

**АЛЬБЕРТ
САНЧЕС ПИНЬОЛЬ**

ПОБЕЖДЕННЫЙ
БАРСЕЛОНА, 1714

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
С 18

Albert Sánchez Piñol

VICTUS

Copyright © Albert Sánchez Piñol, 2013

Interior illustrations: Xavier Piñas and Joan Solé

Illustration of Tortosa: The General Archive of Simancas

Photo of Louis XIV playing billiards:

FALKENSTEINFOTO/Alamy

Maps of Europe and Catalonia: Gradualmap

All rights reserved

Перевод с испанского Нины Авровой-Раабен

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Ксавье Пиньяса и Жоана Соле

В оформлении обложки использована гравюра

«Вид Барселоны во время осады 1713–1714» (1716–1718). BARCINO

MAGNA PARENS. Франсеск де Крус Льюнель (военный инженер),

Франс Амброс Дьетель (гравер), Ян ван Гелен (печать).

Col·lecció de Gravats de l'Arxiu Històric de la Ciutat de Barcelona (l'ANCB).

Fons Gràfi cs Reg. 18265

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. Аврова-Раабен, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

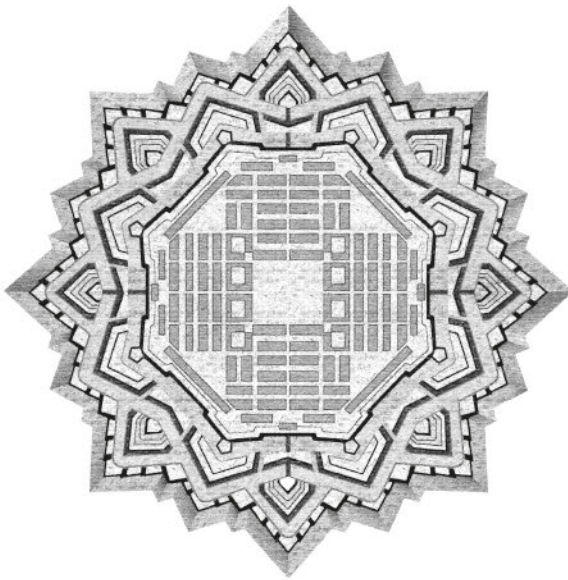
„Азбука-Аттикус“, 2024

Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-24332-3

PUGNA MAGNA VICTI SUMUS.

*Тит Ливий*¹

---

¹ В великой битве мы побеждены (*лат.*). Цитируется труд римского историка Тита Ливия (59 до н. э. — 17 н. э.) «История от основания города» (*Ab Urbe condita*), кн. XXII, 7, 7–8: «...перед заходом солнца претор Марк Помпоний объявил: „Мы проиграли большое сражение“, перев. М. Сергеевко. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Предисловие

Некоторые из читателей, которые ознакомились с первым вариантом рукописи, спрашивали меня об исторической достоверности описанных в книге событий. В ответ я могу только сказать, что следовал общепринятым правилам написания исторических романов, согласно которым автору следует не отклоняться от документально засвидетельствованных событий, но при описании подробностей личной жизни героев не возбраняется дать волю воображению. Все даты и события, связанные с действиями исторических лиц, все политические и военные операции соответствуют действительному ходу истории. К счастью, Война за испанское наследство и осада Барселоны 1713–1714 годов описаны в хрониках так подробно, что позволяют изучить все детали событий. Так, дебаты в парламенте в Барселоне 1713 года были буквально воспроизведены мною по документам той эпохи. Даже в том, что касается второстепенных персонажей, я предпочел следовать историческим источникам. В них можно найти свидетельства безумия супруга Жанны Вобан, пытавшегося создать философский камень, стычки в Бесейте, когда Сувирия знакомится с Бальестером, гибели доктора Басонса и атаки студентов факультета права во время сражений в августе 1714-го, а также событий, связанных с экспедицией военного депутата. Это лишь некоторые факты, которым можно найти подтверждение. Совещания Бервика, приведенного в отчаяние сопротивлением жителей Барселоны, с офицерами его генерального штаба можно проследить как по хроникам, так и по автобиографии этого полководца. Даже большая часть ругательств, которыми генерал Вильярроэль осыпает героя романа, Марти Сувирию, были позаимствованы мною из различных документов, хотя в этом случае там указывается, что генерал

обращался «к одному из офицеров». Что же касается самого Сувирии, то в исторических хрониках он упоминается редко и приводимые при этом сведения не отличаются точностью. Он фигурирует то как «генеральный адъютант» генерала Вильяроэля, то как переводчик, то как член различных комиссий и даже выступает координатором внешних сношений города во время осады. Как бы то ни было, он оказался среди тех немногих высших офицеров проавстрийской армии, участвовавших в обороне Барселоны в 1713–1714 годах, которым удалось достичь Вены и избежать таким образом преследований со стороны режима Бурбонов.

Политическая ситуация

в Европе в 1705 году

**VENI
ПРИШЕЛ**

1

Если человек есть единственное в мире существо, обладающее способностью здраво мыслить и трезво оценивать ситуацию, почему тогда беззащитные сражаются с могучим и до зубов вооруженным врагом? Почему жалкая кучка людей противостоит полчищам? И что заставляет лилипутов сопротивляться великанам? Я знаю, какая сила ими движет. Эта сила — Слово.

У нас, инженеров моего времени, было не одно ремесло, а два. Первое, святое, — воздвигать крепости, и второе, кощунственное, — их разрушать. И вот теперь, когда я достиг возраста Тиберия¹, позвольте мне открыть вам слово, то самое Слово. Ибо, друзья мои и недруги мои, жалкие букашки в крошечной сфере нашей вселенной, я совершил предательство. По моей вине враги овладели Отчим Домом. Я сдал неприятелю город, который мне поручено было защищать, тот самый город, который не сдался под натиском союза двух империй. Мой город. И предателем, отдавшим его врагу, был я сам.

* * *

Строчки, которые вы только что прочитали, были первым вариантом этой страницы. Наверняка я написал их в приступе меланхолии, а может, был мертвецки пьян. Позднее мне захотелось зачеркнуть все это вступление, чересчур жеманное и вычурное. Подобные пассажи больше подходят какому-нибудь блудодею вроде Вольтера.

Однако, как вы сами можете убедиться, австрийская слониха, которой я диктую эти воспоминания, отказывается их вы-

---

¹ Имеется в виду римский император Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.).

черкнуть. Кажется, ей они пришлись по вкусу: их эпический тон, высокий стиль и ля-ля-ля. *Merda*. Или, как здесь говорят, *Scheisse*¹. Кто осмелится спорить с тевтонкой, да еще и вооруженной пером. Щеки у нее такие пухлые и красные, что с ними не сравнится даже яблоко, соблазнившее Адама, зад размером с полковой барабан, и, само собой разумеется, я не могу диктовать ей по-каталански.

Австрийскую дурицу, которая записывает мои слова, зовут Вальтрауд Что-то-там; здесь, в Вене, женские имена звучат точно скрежет жерновов. Но, по крайней мере, она знает французский и испанский. Так и быть, я обещал быть откровенным и ничего не утаю. Несчастливая Вальтрауд не только записывает эти строчки, но и время от времени заново накладывает швы на девятнадцать ран, которые бороздят просторы моего несчастного и разбитого тела. Эти следы оставили на нем пули, картечь и штыки солдат пятнадцати разных национальностей, не считая турецких ятаганов, палиц маори, стрел и копий индейцев Новой Испании, Новой Тамвдали и Новой Ещедальше. Мое дорогое чудище Вальтрауд обрабатывает тысячу рубцов искалеченной половины моего лица, которые гноятся вот уже семьдесят лет и каждый раз по весне раскрываются, словно цветы. Но и это еще не все: добрая женщина к тому же лечит мне три дыры в заднице. Уй-уй-уй, какая боль! Иногда я сам не знаю, через какую из них сру. И все это она делает за каких-то несчастных восемь крейцеров в месяц. На императорскую пенсию особо не разбежишься. Хватает еще только на то, чтобы расплатиться с хозяином холодной мансарды, где я живу. Но мне все нипочем. Вечно весел и всем доволен! Вот мой девиз.

Как это бывает всегда, самое трудное — это начало. С чего все началось? Сам не знаю. С тех пор прошел почти целый век. Вы представляете себе чудовищность моих слов? Я совершил столько оборотов вокруг солнца, что не помню даже имени своей матери. И это тоже чудовищно. Вы скажете, что я выжил из ума. Как бы не так!

Я не буду утомлять вас слезливыми рассказами о моем детстве. И уж если мне надо выбрать день, который положил начало этой истории, то я назову вам точную дату: 5 марта 1705 года.

---

¹ Говно (*кат., нем.*).

* * *

Сначала было изгнание. Представьте себе четырнадцатилетнего паренька. Холодным ранним утром он шагает по дороге, которая ведет к крепости Базош во французской Бургундии. Все пожитки в узелке за плечами. Длинные ноги, стройное и мускулистое тело. Нос будто выточен искусным скульптором, а прямые блестящие волосы чернее крыльев бургундских воронов.

Ну так вот, этим пареньком был я, Марти Сувирия. Или, как меня называли, Суви-молодец. Или еще Суви-Длинноног. Вдали уже виднелись три черные остроконечные башни крепости, крытые темной черепицей. Я шагал по дороге, по обе стороны которой тянулись поля ржи, а воздух был так пропитан влагой, что, казалось, в тумане можно было разглядеть порхающих лягушат. Не прошло и четырех дней с тех пор, как монахи ордена кармелитов из Лиона исключили меня из школы. Как вы можете догадаться, за дурное поведение. У меня оставалась только одна надежда: что меня примут в Базоше в качестве ученика некоего маркиза де Вобана.

Около года тому назад мой отец отправил меня во Францию, потому что политическая стабильность в испанских землях не внушала ему доверия (и если вы не отложите эту повесть, то убедитесь, что старик был весьма недалек от истины). Школа кармелитов не предназначалась для элиты, они просто зарабатывали неплохие деньги, обучая отпрысков семей не слишком бедных, но и не слишком богатых плебеев с претензиями — юношей, которые ни под каким предлогом не могли оказаться на одной скамье с настоящими аристократами. Мой отец принадлежал к той части горожан, которая в Барселоне носила официальное звание «Честный гражданин». Странные у нас титулы, не правда ли? Чтобы получить право его носить, необходимо было располагать определенной суммой денег. Мой отец с трудом ее наскреб и всегда по этому поводу сокрушался. Напиваясь, он рвал на себе волосы, восклицая: «Из всех Честных граждан я наименее честен!» (Старик настолько не понимал шуток, что так никогда и не понял собственного каламбура.)

Как бы то ни было, школа кармелитов пользовалась доброй славой. Я не буду докучать вам описанием всех моих проказ,

а расскажу лишь о последней, потому что она стала каплей, переполнившей чашу их терпения.

К четырнадцати годам я был высоким и крепким парнем. Однажды ночью старшие ученики школы, и я в их числе, обошли все таверны Лиона и напились до чертиков. Никто и не вспомнил, что надо вернуться в пансион. Я в первый раз в жизни захмелел, и возлияния превратили меня в шального варвара. На рассвете кто-то из школяров предложил возвратиться к родным пенатам: одно дело опоздать, а другое — вообще не явиться. Я увидел проезжавшую карету и одним прыжком вскочил на козлы:

— Эй, кучер! В пансион кармелитов!

Бедняга пытался что-то возразить, но его слова до меня не доходили. Ничего не соображая под воздействием винных паров, я столкнул его с козел мощным ударом кулака.

— Тебе что, неохота нас отвезти? Тебе же хуже, мы сами доедем! — заорал я, схватив вожжи. — Поехали, ребята!

Десяток или дюжина пьянчужек бросились к карете, словно пираты, берущие судно на abordаж, и я щелкнул кнутом. Кони вздыбились и понеслись вперед. Меня все это очень забавляло, и я решительно не понимал, почему это вдруг мои товарищи испуганно завопили:

— Стой, Марти, стой!

Я обернулся: мои приятели отчего-то не залезали внутрь кареты, а падали на мостовую. Повозка неслась со скоростью метеорита, и поэтому они разлетались в стороны, словно камни из пращи. «Неужели они так напились, что не могут даже удержаться в карете?» — спросил я себя. Но загадки на этом не кончались: нас преследовала разъяренная толпа. «А этим идиотам чем я насолил?» — недоумевал я.

На оба вопроса был один и тот же ответ. Мои приятели не могли сесть в карету, потому что это был не обычный экипаж, а кузов, по бокам которого не было дверей. Как у всех катафалков. Я просто спутал его с обычной каретой. Что же касается наших преследователей, то это были родственники усопшего. И, судя по их визгу, они были очень сердиты. Мне не пришлось в голову ничего лучшего, как продолжить бегство. Все равно иного выхода у меня не было, потому что лошади обезумели, а я не имел ни малейшего понятия, как их сдержать, и только

лихорадочно дергал поводья, отчего несчастные животные неслись еще быстрее. Увидев искры, летевшие из-под колес на поворотах, я немедленно протрезвел; и тут на бешеной скорости мы вылетели на площадь прямо напротив самого известного в Лионе, да и во всей Франции, магазина стеклянных изделий. В предрасветный час кони, наверное, не увидели стекла огромной витрины и решили, что это проем арки.

Удар вышел знатный. Лошади, катафалк, гроб, мертвец и я промчались через стекло и разлетелись по всему магазину. Когда камень пробивает оконное стекло, оно издает очень странный звук. Двадцать тысяч стаканов, ламп, бутылок, зеркал, бокалов и графинов, которые разбиваются одновременно, — тоже. До сих пор не понимаю, как мне удалось остаться целым и более или менее невредимым.

Стоя на четвереньках, я созерцал картину разрушения. Из-за угла на площадь уже выбегала разъяренная толпа моих исследователей. Дверцы на торце катафалка были открыты. Крышка гроба, лежавшего на полу, откинута. Покойника внутри, к моему удивлению, я не обнаружил: куда это он запропастился? Впрочем, предаваться размышлениям на эту тему времени у меня не было. От удара я не вполне соображал, что делаю, и поэтому мне не пришло в голову ничего лучшего, как спрятаться в гробу и закрыть крышку.

Голова моя раскалывалась от боли. Мы напились в дым, блуждая всю ночь по кабакам, и в одном из них подрались со школярами из пансиона доминиканцев; их наставники были еще набожнее, чем наши кармелиты. Добавьте к этому бешеную гонку и разбитый о стекло лоб. Я подумал, что с меня довольно, и сказал себе: «Если ты будешь пайнкой, то все само собой образуется», а потому прижался щекой к бархатной обивке гроба и забылся.

Не знаю, сколько времени я там провел, но, задержись я чуть подольше, мне бы уже никогда оттуда не выбраться. Разбудило меня странное движение — мое закрытое ложе сильно раскачивалось. Я не сразу вспомнил, где нахожусь.

— Эй, вы! Выпустите меня! — закричал я, стуча в крышку. — Откройте, сволочи!

Мой гроб раскачивался, потому что его спускали в могилу. Услышав мои крики, гробовщики стали его поднимать (мне

показалось, что они не слишком спешили). Несколько рук открыли крышку, и я выскочил наружу, как ошпаренный кот. Какой ужас!

— Вы меня чуть не похоронили заживо! — завопил я, справедливо негодуя.

Нетрудно догадаться, как все произошло. Родственники убогого увидели гроб, ничтоже сумняшеся водрузили его обратно в катафалк и продолжили свой путь на кладбище, не дав себе труда разобраться, кто был внутри: их родственник или же Суви-молодец. Еще чуть-чуть — и мне крышка.

На следующий день мне пришлось ответить за свои проделки. Восемь моих товарищей оказались в больнице с переломанными руками и ногами, а несколько дам, присутствовавших на похоронах, все еще не могли оправиться от удара. Владелец стекольного магазина грозил ордену кармелитов судом. Его негодование еще больше возросло, когда он, оценивая понесенные убытки, обнаружил труп почтенного горожанина: его катапультировало под самый потолок, и он повис на огромной хрустальной люстре под сводом. На этот раз я перешел все границы. Приор предложил мне выбор: либо возвратиться домой с письмом о моем неблагоприятном поведении, либо отправиться в Базош. Вернуться домой? Если бы я приехал в Барселону с известием о моем исключении, отец меня бы просто убил. Я выбрал Базош. Из объяснений приоря я понял только, что некий маркиз де Вобан принимал студентов на обучение.

2

Однако хватит рассказов о детских проказах. Как вы уже знаете, 5 марта 1705 года я шел пешком с котомкой на плече по дороге, ведущей к крепости Базош.

Это сооружение скорее напоминало замок знатного феодала, чем военное укрепление; изящные силуэты трех его круглых башен под коническими крышами, крытыми черной черепицей, скрадывали мощь стен. Несомненно, Базош был крепостью, которая поражала своей скупой красотой старины. На расстилавшейся вокруг равнине она притягивала взгляд, точно магнит, и я так на нее загляделся, что даже не услышал приближающегося экипажа, который обогнал меня и едва не раздавил.

Дорога была такой узкой, что я с трудом успел отпрыгнуть в сторону, и в ту же секунду на меня пролился ливень жидкой грязи из-под колес кареты. Двум проказникам, которые выглядывали из окон экипажа, картина показалась очень забавной. Негодяи были моими сверстниками, и из удалявшейся к замку кареты до меня донесся хохот.

Беда казалась мне воистину непоправимой, потому что утром я надел для визита в замок свой парадный костюм. Запасной треуголки и камзола для столь торжественного случая у меня не было. Как же мне предстать перед самим маркизом таким заляпанным грязью пугалом?

Можете себе представить, в каком настроении я вошел в Базош. Ворота были открыты, потому что не прошло и двух минут с тех пор, как карета озорников въехала в крепость. Какой-то слуга выбежал мне навстречу и закричал:

— Сколько раз надо вам говорить, что милостыню здесь дают по понедельникам?! Вон отсюда!

По правде говоря, мне не в чем было его упрекнуть. Меня и вправду можно было принять только за попрошайку, явившегося в неурочный час.

— Я явился сюда, чтобы изучать инженерное дело, и готов предъявить рекомендательное письмо с сургучной печатью! — возразил ему я, пытаюсь развязать шнурки котомки.

Слуга не хотел меня даже слушать. Наверняка он не раз сталкивался с неугодными посетителями, потому что в руках у него как по волшебству возникла дубинка.

— Пошел вон, бездельник!

Ты веришь в ангелов, австрийская буйволица? Я — нет, но в Базоше их было целых три. И первый из них появился в ту самую секунду, когда дубинка уже готова была обрушиться на мои ребра. Если судить по одежде, передо мной был кто-то из прислуги, но властный тон выдавал человека, занимавшего в замке определенное положение. И сколько бы там ни говорили, что ангелы бесполы, я вас уверяю, что это была женщина. Вне всякого сомнения!

Мне стоит большого труда описать все прелести этого создания. И раз уж я лишен поэтического дара и не хочу отнимать время у читателей, скажу просто, что эта женщина была полной твоей противоположностью, мое дорогое чудище Вальтрауд. И не сердись, пожалуйста. Я просто имею в виду, что у тебя зад как у пчелы, а у нее талия была не шире двенадцати дюймов. Ты ходишь, сутулясь, как старая кляча, а она выступала с уверенностью тех избранных женщин — таковые встречаются и среди аристократок, и среди простолюдинок, — которые убеждены, что они способны сокрушить империи своим каблучком. Голова у тебя всегда лоснится, словно ты только что вылила на свою прическу бочонок жира, а легкие пряди ее волос цвета мякоти спелого арбуза спускались волнами на плечи. Я не видел твоих сисек, да и не имею никакого желания их лицезреть, потому что они наверняка у тебя отвисли, как два баклажана, а ее упругие груди помещались в бокале. Я не хочу сказать, что красота незнакомки была совершенной. Ее нижняя челюсть, угловатая и слегка выдававшаяся вперед, придавала ей чересчур решительный для женщины вид. Но уж если говорить о дефектах, то я предпочитаю избыток недостатку: тебя вообще лишили

подбородка, что придает твоей физиономии абсолютно идиотское выражение.

Что еще? А, да, чуть не забыл: крошечные уши, брови цвета черепицы, такие узкие, словно их нарисовали тончайшей кистью. Лицо ее, как у большинства рыжих, было покрыто веснушками. Их было ровно шестьсот сорок три (когда чуть позже я буду рассказывать о программе обучения в замке Базош, вы поймете, почему я их посчитал). Если у тебя на лице появится тысяча веснушек, ты станешь похожа на прокаженную ведьму. Ее же эта россыпь коричневых пятнышек превращала в сказочное существо. Сейчас мне пришло в голову, что я был знаком с большинством героев нашего века, а не знаю такого смельчака, как твой супруг, который каждую ночь делит ложе с таким страшилищем. Чего ты ревешь? Я разве говорю неправду? Ну-ка давай берись за перо.

Незнакомка внимательно меня выслушала, и, кажется, мне удалось внушить ей доверие, потому что она захотела посмотреть на мое рекомендательное письмо. Женщина умела читать, что служило доказательством ее высокого положения в иерархии замковой челяди. Я рассказал ей, какую злую шутку со мной сыграли: в ее воле было помочь мне или выгнать вон. И она мне помогла. Незнакомка куда-то исчезла и долго не возвращалась — ожидание показалось мне бесконечным. Наконец она появилась снова и принесла мне камзол.

— Переодевайся, — сказала она. — Да поскорее. Остальные уже в зале.

Я побежал в том направлении, которое она мне указала, и остановился, лишь оказавшись в совершенно квадратной комнате с невысоким сводом. Там не было никакой мебели, кроме пары стульев. В противоположной стене тоже виднелась дверь. И прямо возле нее стояли, ожидая, что она откроется, те самые негодяи, которые облили меня дорожной грязью.

Первый, толстый коротышка, обладал таким курносом носом, что ноздри смотрели не вниз, а вперед, как у свиньи. У второго, высокого и худощего, ноги были длинными, как у цапли, и даже одежда этого отпрыска богатой семьи не могла скрыть его нескладной фигуры. Казалось, вместо того чтобы дать ему расти постепенно, кто-то взял щипцы и вытянул его сразу. Я прозвал их про себя Хрюшатый и Долговязом.

Оба посмотрели на меня равнодушно и обратились ко мне с обычным приветствием, словно мы никогда раньше не встречались. И если рассудить, в этом не было ничего особенного. Позволь мне дать тебе добрый совет, моя дорогая орангутанша, всегда помни, что люди плохо смотрят, а видят и того хуже. Хрюшатый и Долговяз меня не узнали, потому что при нашей первой встрече моя фигура промелькнула перед их глазами слишком быстро, а теперь в этом роскошном камзоле я казался другим человеком. Долговяз заговорил со мной, не скрывая своего воинственного настроя:

— Вы еще один кандидат? Желаю вам всяческих успехов, но учтите, что я уже много лет изучаю основы инженерного дела. Здесь берут только одного ученика, и это место будет моим.

Он особенно подчеркнул слово «моим».

— Мой дорогой друг, — вмешался в разговор Хрюшатый, — ты забываешь, что я ждал этого момента столько же лет, сколько ты.

Долговяз вздохнул.

— Трудно поверить, что вот сейчас откроется эта дверь и в эту комнату войдет Вобан собственной персоной, — сказал он. — Мы увидим человека, который создал заново или перестроил триста крепостей. Триста!

— Именно так, — кивнул Хрюшатый. — И к тому же участвовал в ста пятидесяти военных операциях, более или менее значительных.

— Но и это не самое великое и прекрасное из его деяний, — заключил Долговяз. — Вобан взял осадой пятьдесят три города. А укрепления каждого из них могла бы позавидовать Троя!

Хрюшатый пробормотал, утвердительно качая головой:

— *Suprême, suprême, suprême...*¹

«Ну и вляпался же я», — подумалось мне. Приор ничего не говорил о каком-то предварительном отборе. А место-то оказалось только одно. Мыслимо ли, что этим зубрилам откажут, а возьмут меня?

Исходя из слов моих соперников о маркизе де Вобане, я представил себе исполина, покрытого шрамами и закаленного в огне тысячи сражений. Но в комнату вошел степенный че-

---

¹ Великолепно, великолепно, великолепно... (фр.)

Санчес Пиньоль А.

С 18 **Побежденный** : Барселона, 1714 : роман / Альберт Санчес Пиньоль ; пер. с исп. Н. Авровой-Раабен. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 768 с. : ил. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-24332-3

В Европе идет Война за испанское наследство — кровавый трагифарс, который лишит Каталонию всякой независимости и перекроит карту Европы на многие века вперед. Барселонец Марти Сувирия — совестливый плут, невольный предатель и трусливый герой, последний ученик великого французского теоретика фортификации Себастьяна де Вобана, член уникального братства военных инженеров — на поле боя, в окопах, в плену, в осажденной Барселоне, в своем гибнущем доме неустанно ищет то единственное Слово, которое объяснит и оправдает его труды и всю его жизнь.

Альберт Санчес Пиньоль — одна из крупнейших звезд каталанской литературы; оригинальностью и популярностью он не уступает Жауме Кабре. Его «Побежденный», авантюрный роман, военный эпик и высокая трагедия, отчасти отсылает нас к «Симплициссимусу» Гриммельсгаузена и «Похождениям бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека, «Дуэли» Джозефа Конрада и «Запискам Флэшмена» Джорджа Макдоналда Фрейзера, которыми автор особенно вдохновлялся. В Испании роман разошелся тиражом более 250 тысяч экземпляров, был переведен на 16 языков, вызвал безудержные восторги, спровоцировал яростные споры, получил премию газеты *El Periódico* за лучший роман 2012 года, стал основой для комикса и вдобавок вдохновил серию концертов барочной музыки (а такое с современными романами случается редко). В «Побежденном» будут героизм и трусость, стойкость и разгром, бесплодные поиски и ослепительные откровения, язвительная усмешка и безмолвная нежность. Любая война способна только убивать и калечить, а в качестве запоздалого и решительно несоразмерного утешения разве что подарить нам «Войну и мир», и «Побежденный» — это «Война и мир» Барселоны.

Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Иен)-44

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ
ПОБЕЖДЕННЫЙ
БАРСЕЛОНА, 1714

Ответственный редактор Анастасия Грызунова

Редактор Екатерина Гадаева

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Корректоры Валерий Камендо, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 15.10.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндүрүшү: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШК — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-33295-01-R